

форму и украшение, может объясняться различием функций, которые должны были выполнять эти фигурки. Возможно в женские статуэтки вкладывался всегда разный смысл. В одних случаях могла быть показана женщина-хранительница домашнего очага, оберегающая всех, кто живет в доме; в другом - богиня плодородия или источник новой жизни.

Почитание огня и особая роль очага засвидетельствованы этнографами у ряда народов. Кроме того, у ананьинцев было развито земледелие; скорее всего, у них, как и у других древнеземледельческих народов, существовали аграрные культы. Возможно, имел место и культ матери-земли, которая являлась лишь особой формой богини-матери, богини всего живого. Отсутствие подчеркнутого полового признака можно объяснить тем, что за схематизмом могли скрываться давно устоявшиеся каноны, не требующие особых доказательств. Обращают на себя внимание статуэтки, очень условно названные "колпачками". Можно предположить, что это также схематизированные женские изображения, а имеющаяся внутри полость - это символ той части женского тела, где зарождается и вынашивается новая жизнь. Разбивание же фигурок могло служить символом воскрешения, возрождения.

Скорее всего, в прикамской глиняной пластике присутствует и символ мужского начала (предметы, объединенные в группу В). В отношении глиняных "лепешек" трудно сказать, что они обозначают. Можно допустить две точки зрения: 1) символ солнца (в жизни любого земледельческого народа солнце играет огромную роль, от него во многом зависят урожай и благосостояние всего человеческого коллектива); 2) символ хлеба. В зооморфной пластике, по-видимому, нашел отражение культ различных видов животных. Хозяйство ананьинских племен было комплексным, наряду с появившимися земледелием и скотоводством охота продолжала играть важную роль. Зооморфные фигурки могут изображать промысловых животных (в частности, медведя).

Культовый характер глиняной пластики не вызывает сомнения. Это подтверждается и тем, что предметы пластики найдены на святилище (Гремячанском), и тем, что на поселениях они связаны с жертвенными комплексами (Зуевоключевское I городище), и поразительным сходством изображений, происходящих с памятников, территориально удаленных.

Л.Н.КОРЯКОВА (Екатеринбург)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВ ПОЗДНЕЙ ПЕРВОБЫТНОСТИ В РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Поиск теорий и методов, обеспечивающих наибольшую эффективность моделей интерпретации фактов, всегда были актуальными для археологии. Предпринимались неоднократные попытки структурировать и типологизировать доисторические общества, выделить общее и специфическое в их развитии. Это было характерно как для западной, так и для российской науки, хотя модели и источники, используемые для социального анализа, были различны.

В двадцатые годы среди молодых советских археологов, обратившихся с призывом отказаться от "голого исследования артефактов" и вернуться к реконструкции социальной жизни прошлого, впервые появился термин "новая археология". Чуть

позже советские археологи определили своей задачей социальную интерпретацию материальной культуры на основе марксистской эволюционной теории социально-экономических формаций. После полных драматизма дискуссий тех лет новая ориентация, основанная на марксизме-ленинизме, названная "социологической", установилась на многие годы. (Генинг В.Ф., 1982). По установленной схеме любое археологическое исследование должно было содержать раздел, посвященный характеристике общества и иллюстрирующий то или иное положение универсального закона. Вскоре все социальные реконструкции, прилагаемые к различным областям и различным культурам, стали очень похожими, а иногда почти идентичным друг другу. В конце концов, археологи потеряли интерес к этой проблеме, хотя некоторые идеи, в частности, относительно базисной роли экономики в древних обществах, не потеряли своего значения. Социальные теории развивались, главным образом этнологами и историками первобытного общества. Среди археологов наиболее популярной и чаще обсуждаемой была проблема социального уровня скифской культуры. Множество точек зрения может быть сведено до двух основных убеждений. Первое - представление о том, что скифское общество находилось на последней стадии родового строя, которую Энгельс назвал "военной демократией" Согласно второму мнению, Скифия рассматривалась как государство (Бунатян, 1985). Социальный уровень большинства других культур эпохи бронзы и железного века определялся в терминах "военная демократия" и оценивался как более примитивный.

Основной принцип марксистской теории архаических обществ был связан с вопросом исторической периодизации, которая, как известно, состояла из пяти прогрессивных социально-экономических формаций, основанных на соответствующем способе производства. Первая из них - архаическая, согласно Марксу, - была представлена первобытным обществом. Первоначально модель этой формации была очень схематической и состояла из трех стадий: 1. Стадия первобытного человеческого стада (формирование общества); 2. Стадия родовой общины (развитие); и 3. Стадия военной демократии (разложение) (Толстов С.П., 1946). Затем эта модель была детализирована и расширена, но несмотря на серьезные изменения, она все еще сохраняет свое значение. Вторая стадия, хронологически соответствующая среднему и позднему палеолиту и неолиту, была разделена на две части по степени развития родовой общины. Последняя стадия известна как стадия первобытно-соседской или протокрестьянской общины, для которой характерны рост производящей экономики и прибавочного продукта, социальная стратификация, сопровождаемая различными формами эксплуатации. (Семенов Ю.И., 1982; История первобытного общества, 1983, 1988). Эти черты были свойственны процессу классовообразования и раннеклассовому обществу, теория которого была разработана отечественными историками и этнографами в 70-е годы (Хазанов А.М., 1975; 1975а; 1979). Выяснилось, что переходные формы от первобытности к государству весьма разнообразны и что рабовладение не имело всеобщего распространения. Первоначальная модель линейного социального развития была подвергнута критике и серьезно изменена (Семенов Ю.И., 1992; 1994). Новые модели строились с широким использованием этнографического материала и с учетом теорий, появившихся в это время на Западе. Подчеркивалась роль различных факторов, воздействующих на процессы социального преобразования: природного, экономического, демографического, технологического и военного, а также фактора обмена и торговли (История первобытного общества, 1988).

Значительное внимание уделялось проблеме происхождения государства, но это главным образом, касалось классических государств (Васильев Л.С., 1981; Куббель Л.Е., 1988; Дьяконов И.М., Якобсон 1982; Массон В.М., 1989; Павленко Ю.В., 1989). Согласно марксистской модели, государство - результат классового образования, когда отдельные социальные группы получают возможность осуществлять контроль над производством и распределением излишка продуктов. Позднепервобытные общества, определяемые как предклассовые и относящиеся к одному из трех типов: азиатскому, европейскому или классическому трансформировались в прото-классовые (Павленко Ю.В., 1989:268). Не так давно некоторые российские ученые очень осторожно стали допускать возможность интерпретации культуры железного века умеренной зоны Евразии в терминах государства.

Западные теории социальной организации были разработаны социальными археологами и социальными антропологами также на основе эволюционных идей. В пятидесятых годах Дж.Стюарт (Steward J., 1955) предложил теорию социальной и культурной интеграции, в соответствии с которой догосударственные общества развивались в сторону увеличения сложности. Концепция сложности - центральный пункт многих социальных теорий западной антропологии. Сложность определяется размерами общества, количеством и выраженностью его компонентов, а также разнообразием специализированных социальных ролей. Сюда также входит число социально выдающихся личностей, разнообразие механизмов для организации всех компонентов в последовательно функционирующее целое. Важную роль в понимании характера сложности играют понятия неравенства и неоднородности (Tainter J., 1993:23).

Эльван Сервис на основе теории социокультурной интеграции разработал четырехчленную классификацию обществ, которая позднее была детализирована и стала широко применяться в археологической практике (Service E., 1962). Как отметил Н. Иоффи, "...для прошлых трех десятилетий преобладающей была неэволюционистская модель "стремянки", которая использовалась археологами для исследования происхождения ранних государств: локальная группа (band), переходящая в племя (tribe), затем в чифдом (chiefdom) и наконец, в государство (state)" (Yoffee N., 1993). На этой базе была создана модель М.Фрида, согласно которой линия развития обществ идет от простых форм к более сложным (комплексным). Простые общества, по мнению М.Фрида, определяются как эгалитарные, сложные - как ранжированные или сегментарные и стратифицированные общества. Последние предшествовали государству (Freid M., 1967). Сегментарное общество соответствовало племени. Племена могли составлять большие пан-племенные ассоциации (Renfrew, C. and P.Bahn, 1991).

В российской терминологии "племя" - термин более широкого и привычного употребления. Пан-племенные ассоциации (в западной классификации) или союзы племен (в отечественной терминологии) характерны для поздней первобытности. В последние годы в российской литературе стало чаще встречаться понятие сложных (комплексных) обществ в связи с исследованием обществ эпохи бронзы - раннего железного века, хотя, фактически, концепция союзов племен все же более популярна в исследовательской практике.

В западных публикациях недавних лет можно встретить новые определения, относящиеся к сложным обществам. Например, К.Кристиансен предлагает такие термины как децентрализованное стратифицированное общество и централизованное ар-

хаичное государство, которые по его мнению, могли бы заменить устаревшие и более специфические термины, такие как азиатское государство, военная демократия и германский способ производства. По сравнению с первым, второе имеет централизованную экономику, потенциал для поддержки государственного аппарата и правящего класса и ритуализированную генеалогическую структуру (Kristiansen, K., 1991:19-21). Л.Хеддегер интерпретирует общества железного века Северной Европы как переходные к государству и сформировавшиеся в результате длительного исторического процесса (Hedeager, L., 1992). Допускается также существование сложных вожеств и ранних государственных образований у кельтов (Arnold B. and D.Gibson, 1995).

Исследователей всегда интересовал вопрос о базисных механизмах, лежащих в основе переходных социальных систем, в частности таких, как военная демократия. В 60-70-е годы, когда проблема классового образования дискутировалась в нашей литературе особенно активно, стало ясно, что этот вид социальной организации хотя и был широко распространен, но не универсален и может принимать различные формы. А.М.Хазанов (1979) оценил "военную демократию" как специфическое вариант переходного общества. Л.Е.Куббель (1988) подчеркивал, что военная демократия никогда не вела к государству. Она сменялась военно-иерархической структурой, которая имела большое значение в ходе формирования классового общества. В иерархическом обществе руководство было уже основано не на традиции, а на мощности армии, часть которой была составлена наемниками. Можно увидеть общие моменты в позициях Л.Куббеля и К.Кристиансена.

В поисках различных форм социального развития в эпоху поздней первобытности (догосударственный уровень) российские ученые (прежде всего, этнологи и историки) заимствовали из западной антропологии понятие "чифдом" (Хазанов А.М., 1979; Васильев Л.С., 1981; Крадин Н., 1992; Березкин 1995). Чифдом (вождество) рассматривается как промежуточная политическая организация, которая появляется, когда имеются устойчивые условия роста прибавочного продукта. Чифдом основан на социальном ранжировании, но в его структуре и управлении преобладают кровно-родственные отношения. Престиж и состояние обусловлены тем, как близко индивидуум находится по отношению к вождю (Renfrew C. and P. Bahn, 1991:156).

Подобный тип общества впервые был описан Дж.Стюардом на основе этнографического материала карибского региона. (Steward J., 1955). Сам термин "чифдом" вошел в научный лексикон из работы К.Оберга "Типы социальных структур среди южно-американских и центрально-американских племен" (Oberg, 1955). Возведение этой концепции в ранг обобщающей теории было предпринято М.Салинзом и Э.Сервисом, которые подчеркнули важную роль экономического фактора в оформлении социальной стратификации, являющейся одной из основных черт чифдома (вождества) (Carneiro R., 1981). Работы этих исследователей получили поддержку не только антропологов, но и археологов (Renfrew, 1974, 1984), особенно в Британии и США. В 70-е годы в терминах "вождества" стали анализироваться культуры позднего неолита, эпохи бронзы и начала железного века Западной Европы.

Первоначально, чифдом рассматривался как универсальная форма организации общества, непосредственно предшествующая государству (Carneiro, 1981), но позже эта универсальность была ограничена, поскольку однолинейная эволюция была признана неправильной из-за большого разнообразия переходных форм (Earle, 1991).

Саган заметил, что "процесс идет от племени к вождеству, далее к простому и сложному королевству. После каждого шага может наблюдаться переходное состояние. Но при этом немало обществ не могут точно быть описаны как вождества или более простые королевства, а лишь как переходные между ними" (Sagan E., 1993:305). В последнее время в европейской литературе появилось много критических замечаний в адрес эволюционного характера и универсальности вождества (Yoffe N., 1993:60-78). Исследователи стали склоняться к его определению как типу политической организации (Earle T., 1991)

Вождества могут быть различных видов - теократические, военные, ориентированные на групповые или индивидуальные интересы, стратифицированные или ранжированные, простые и сложные, и т.д. Простые имеют политические размеры в несколько тысяч человек, один уровень политической иерархии над местной общиной и систему установленного ранжирования. Сложные вождества имеют размеры в десятки тысяч человек, два уровня политической иерархии над местной общиной и появление стратификации (Earle, 1991). Наиболее общими археологическими признаками вождества считаются: монументальная архитектура (признак отличия от автономного поселения, но не от государства), иерархия поселений, наличие церемониального центра, дифференцированные погребения. Между вождеством и ранним государством много сходства во внешнем проявлении. По мнению Вебба, разница между ними в части, касающейся сложности устройства, заключается в том, что государство начинается в той точке социального развития, в которой вождества достигает пика. Сложнее вождество иногда называется "условным государством" (Webb, 1975).

Типологически чифдом-вождество может быть поставлен в определенное соответствие с военно-иерархическим обществом российской классификации. Для общей характеристики такого социального и экономического уровня Ю.Семенов (1994:20-21) также использует понятие "политаризм" как особый способ производства. Но я должна отметить, что это понятие в основном существует на страницах этнологических и теоретических работ и мало используется в археологии. К сожалению, теоретические социологические исследования имеют немного точек соприкосновения с археологической практикой.

Отношения власти в докапиталистических обществах, в частности в предклассовых и раннеклассовых, также изучались в терминах потестарной (Lat. Potestas, власть) и политической этнографии (Куббель 1988), которая имела много общего с западной политической социологией. Согласно этой теории, племенные объединения предклассовой стадии, существующие в форме вождества или военной демократии, могут быть описаны как этно-потестарные союзы. В этом случае вождество может соответствовать поздней стадии потестарной организации, которая предшествовала государственности.

Переход от племенного общества к раннему государству отмечен многими чертами, характеризующими различные социальные подсистемы, часть из которых находит отражение в материальной культуре. В частности, одна из таких черт - элитарная культура, которая всегда свидетельствует об особом статусе людей, чей цели она служит. Как правило, эта культура связана с престижной экономикой и с поддерживающей ее идеологией. Концепция престижных ценностей имеет аналогичное значение и в западной науке. Значение престижных ценностей заключается в их содей-

ствии утверждению новой политической системы, которая является проявлением новой идеологии (Hedeager 1992: 88-89).

Трудно описывать социальные отношения или социальный порядок ископаемой культуры только на основе археологии. Наша задача состоит в том, чтобы распознать язык той культуры и научиться читать по крайней мере некоторые из ее символов. Несмотря на существующие различия в терминологии, можно заметить близкие моменты в подходах российских и западных археологов, когда они выделяют признаки социального уровня переходного общества. Среди этих признаков можно назвать следующие: 1. Технологический и экономический уровень общества (продукция ремесла и организация производства, специализация, разделение труда); 2. Размер и масштаб общества (является ли оно автономным или частью большей системы); 3. Внутренняя структура (однородное оно или включает много различных компонентов, уровень стратификации, распределительная система); 4. Участие в торговле на длинные дистанции и отношения с другими обществами, в частности с цивилизационными центрами; и 5. Модели расселения и сложность погребальной практики.

Традиционно советские археологи анализировали археологические источники исходя из центрального понятия "археологическая культура" и тратили много времени, определяя ее. В работах 60-70-х годов археологический ландшафт, представленный множеством отдельных культур, имел дискретно-мозаичный вид. Это было дифференцирующий подход. Хотя понятие "археологическая культура" является все еще основным операционным инструментом в российской археологии, стало более удобно использовать интегрирующий подход, вводящий такие конструкции как "блоки культур", "историко-культурные общности", "культурно-хронологические горизонты", "центры культурогенеза". При этом все большее внимание стало уделяться различного рода контактам между культурами. Одним из достижений отечественной науки можно считать предложенную в семидесятые годы концепцию взаимодействия государств и первобытной периферии.

Неравномерное экономическое и технологическое развитие и объективные потребности различных обществ во взаимодействии породили сложение системы отношений "центр - периферия". Взаимодействие между ранними государствами и родо-племенной варварской периферией стало заметным уже с начала бронзового века, когда большинство евразийского пространства было занято связанными между собой обществами. Различные виды контактов, включая экономические, социальные, культурные, идеологические, потестарные и политические, имевшие структурно-функциональный характер, и другие, определяемые по типу "центр - близкая периферия - дальняя периферия" находят отражение в различных частях археологически представленного пространства (Первобытная периферия классовых обществ, 1978). В некоторых положениях данная концепция близка теории Мировой Системы, принятой рядом европейских и американских археологов и также сосредоточенной на изучении отношений ядра (core area) и периферии (Kristiansen 1993, Sherratt 1993).

Эта концепция развивалась в рамках политической экономии и других наук на Западе начиная с конца XIX в., но особенно активно, после Второй мировой войны. Дискуссия об специфике исторического развития была начата работами Френка (Frank, A., 1967), который утверждал, что слабое развитие стран третьего мира было результатом их эксплуатации странами растущего капитализма. Это осуществлялось че-

рез разделение труда, извлечение прибавочного продукта и создание рынка для распространения продуктов технологически развитых стран (core area). Сформировались понятия "центр" и "периферия" Инициатор концепции Мировой Системы - Иммануил Валлерштейн, опубликовавший в 1974 г. Книгу "Современная Мировая Система" (Wallerstein, I, 1974). Он расширил в историческом и географическом аспектах эти понятия. Его целью было описать и найти истоки современной политической и экономической структуры капитализма. Он не занимался специально изучением докапиталистических обществ, но его методологические приемы оказались приемлемыми для изучения отношений между обществами в хронологическом контексте.

Модель "центр-периферия" оказалась полезной в рассмотрении взаимодействия между удаленными регионами, приводившего к значительным социальным изменениям, а также в изучении циклов экономической активности в различных частях ойкумены. Археологический интерес, несмотря на то, что был больше сосредоточен на обмене, повернулся к более широким вопросам политической зависимости. Европейские археологи стали внимательнее относиться к культурам периферийного типа (Северная Европа) и стали развивать концепцию "престижных ценностей" и "престижной экономики" Причем, новое было в том, что контекст этого понятия расширялся и выходил за рамки больших государств. Подчеркивалось, что престижная экономика и отношения, основанные на ее развитии, во много меняют социальные отношения не только в развитых, но и в периферийных обществах. Примерно со II тысячелетия до н.э. развитие торговли и обмена увеличило размах изменений между региональными культурными традициями и посредством бронзовой технологии создало зависимость различных районов от снабжения металлом и идеями. Эта взаимная зависимость суть концепции Мировой системы. Второй ее элемент - социальная трансформация. В целом, основные социальные изменения характеризуются историческим балансом между региональными изменениями длительного действия при их проявлении в небольшом масштабе и межрегиональными короткими изменениями. (Champion, 1995).

Нетрудно видеть, что марксистский и процессуальный подходы, как основанные на эволюционистской модели, имеют много близких взглядов по отношению к общему социальному процессу в историческом контексте, хотя и имеют различное происхождение, будучи основанными: первый - на исторических источниках и философских принципах (История первобытного общества, 1983; Генинг В.Ф., 1982), другой - изначально на этнографических материалах (Thigger 1989).

Этот краткий обзор далеко не исчерпывает многообразия и сложности проблематики, связанной с археологическим изучением древних социальных структур.

1. Васильев Л.С. Протогосударство чифдом как политическая структура // Народы Азии и Африки. 1981. № 6.

2. Березкин Ю.Е. Аркаим как церемониальный центр: взгляд американиста // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы. Материалы конференции. Саратов, Саратовский университет. 1995.

3. Бунатян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии по материалам скифских могильников IV-III вв. до н.э. Киев, Наукова Думка. 1985.

4. Дьяконов И.М., Якобсон В.А. Номовые государства, территориальные царства, полисы, империи: проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2.

5. Генинг В.Ф. Очерки истории советской археологии. Киев, Наукова Думка. 1982.
6. История первобытного общества. Т.1. Общие вопросы. Под ред. Ю.Бромлея. М., Наука. 1983.
7. История первобытного общества. Т.3. Эпоха классовобразования. Под ред. Ю.Бромлея. М., Наука. 1988.
8. Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток, Дальнаука. 1992.
9. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., Наука. 1988.
10. Массон В.М. Первые цивилизации. М., Наука. 1989.
11. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества: генезис и пути развития. Киев, Наукова Думка. 1989.
12. Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих Географических Открытий (проблема исторических контактов). М., Наука. 1978.
13. Семенов Ю.И. Общественно-экономические уклады // Теория общественно-экономических формаций. М., Наука. 1982.
14. Семенов Ю.И. Возникновение классового общества: вариативность и инвариантность // Исследования по первобытной истории. М., Наука. 1992.
15. Семенов Ю.И. Война и мир в земледельческих предклассовых и раннеклассовых общества. М., 1994.
16. Толстов С.П. О периодизации истории первобытного общества. Советская этнография. 1946. № 1.
17. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., Наука. 1975.
18. Хазанов А.М. Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество: Основные проблемы развития. М., Наука. 1975.
19. Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., Наука. 1979.
20. Arnold B., and D. Gibson (eds). 1995. Celtic chieftdom, Celtic state: The evolution of complex social systems in prehistoric Europe. Cambridge: Cambridge University Press.
21. Carneiro, Robert L., 1981. The chieftdom: precursor of the state. In G.Jons and R.Kautz (eds.), The transition to statehood in the new World: 37-79. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Champion, Thimoty C. 1995. (ed.) Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology. London: Routlege.
23. Earle, Timothy, 1987. Chieftdoms in Archaeological and Ethnohistorical perspective. In Annual review of Anthropology 16:279-308.
24. Earle, Timothy, 1991. The evolution of chieftdom. In T.Earle (ed) Chieftdoms: power, economy and ideology: 1-15. Cambridge University Press.
25. Frank, A.G. 1967. Capitalism and underdevelopment in Latin America: historical studies of Chile and Brazil. New York: Monthly Review Press.
26. Freid, G.M., 1967. The evolution of political societ: an essay in political economy. New York: Random House.
27. Hedeager, Lotte, 1992. Iron-Age Societies: From Tribe to State in Northern Europe, 500 BC to AD 700. Oxford: Blackwell.
28. Kristiansen, Kristian, 1991. Chieftdoms, states, and systems of social evolution. In T. Earle (ed.), Chieftdoms: power, economy and ideology: 16-43. Cambridge: Cambridge University Press.
29. Kristiansen, Kristian, 1993. The Emergence of the European World System in the Bronze Age: Divergence, Convergence and Social evolution during the First and Second Millennia BC in Europe. In K.Kristiansen and J.Jensen (eds.), Europe in the First Millennium B.C. Sheffield Archaeological Momographs 6: 7-30.
30. Oberg, K., 1955. Types of social structure among the lowland tribes of South and Central America. American Anthropologist. 57:472-487.
31. Renfrew, A.Colin, 1974. Beyond a subsistence economy, the evolution of social organization in Prehistoric Europe. In C.B.Moore (ed.), Reconstructing Complex Societies. Bulletin of American School of Oriental Research 20: 69-95.
32. Renfrew, A.Colin. 1984. Approaches to Social Archaeology. Edinburg.
33. Renfrew, A.Colin and Paul Bahn, 1991. Archaeology: Theries, Methods, and Practice. Lomdon: Thames and Hudson.
34. Sagan, Eli., 1993. At the Down of Tyranny: The Origins of Individualism, Political oppresion and the State. Santa Fe: Fish Drum Magazin Press.

35. Service, Elman R., 1962. Primitive Social Organization. New York: Random House.
36. Sherratt, Andrew, 1993. What would a Bronze Age world system look like? Relations between temperate Europe and the Mediterranean in later prehistory. In Journal of European Archaeology 1.2: 1-58.
37. Steward, Julian H., 1955. Theory of culture change. Urbana: University of Illinois Press.
38. Tainter, Joseph, 1988. The Collapse of Complex Societies. Cambridge: Cambridge University Press.
39. Trigger, Bruce. G., 1989. A History of Archaeological Thought. Cambridge: Cambridge University Press.
40. Wallerstein, Immanuel, 1974. The Modern World-System: capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century. New York: Academic Press.
41. Webb, Malcolm C. 1975. The flag follows trade: an essay on the necessary interaction of military and commercial factors in state formation. In J.Sabloff and C.Lamberg-Karlovsky. (eds) Ancient civilization and trade: 155-210. Albuquerque: University of New Mexico Press.
42. Yoffee, Norman, 1993. Too many chiefs? (or, Safe text for the '90s). In N.Yoffee and A.Sheratt (eds.). Archaeological theory: who sets the agenda?: 60-78. Cambridge: Cambridge University Press.

Л.Л.КОСИНСКАЯ (Екатеринбург)

ПОСЕЛЕНИЕ ЕТ-ТО I - ПЕРВЫЙ НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НАДЫМ-ПУРОВСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА

В 1994 г. в рамках выполнения программы спасательных археологических работ на территории Сургутского нефтяного месторождения проведены раскопки на поселении Ет-то I. Поселение находится на низком суходольном песчаном бугре у подножия "горы" Увыр-пай - крупного останца ледниковой равнины, расположенного на водоразделе Верхнего Надыма и Пяку-Пура (Надымский район ЯНАО, 42 км к СЗ от г.Муравленко), в подзоне северной тайги.

Поселение состоит из трех жилищных впадин округлой формы, диаметром 5-11 м, с обваловкой по периметру и четырех впадин меньших размеров, вероятно, остатков ловчих ям. Из-за отсутствия подъемного материала памятник не имел даже приблизительной датировки.

Раскопом площадью 92 кв. м исследована жилищная впадина 2, скрывающая остатки полуземлянки площадью 25 кв. м и глубиной около 1 м от уровня древней поверхности (рис. 1). Прямоугольный котлован размерами 6 x 3,0-3,5 м продольной осью вытянут вдоль склона бугра, с З на В. На уровне 0,5-0,7 м от пола северная стенка котлована резко расширялась, образуя горизонтальный, подтреугольный в плане уступ-"нары", и все сооружение имело форму неправильного пятиугольника. Выход-канавка длиной 2 м и шириной 0,6-0,9 м - располагался в южной стенке и оканчивался двумя низкими ступеньками, выведшими на поверхность. В придонной части котлован разделался на две прямоугольные камеры, соединенными проходом шириной 1,2 м. Пол обеих камер и прохода покрыт шестисантиметровым слоем малиновой охры с примесью угольков. Вдоль стенок котлована, в верхней части его заполнения и в канавке выхода прослежены полосы углистого песка и мелкие головешки - остатки крепления стенок и обрешетки кровли. У стен котлована зафиксированы две столбовые ямки.

Очаг находился в западной камере на низкой песчаной подсыпке и был забран в прямоугольную деревянную раму размерами 2 x 1 м. Восточная камера служила производственным помещением: здесь были сосредоточены почти все находки, представленные исключительно каменным инвентарем. Рядом с жилищем, с западной стороны, обнаружены 2 небольшие хозяйственные (?) ямы.